

Глава 4

Лю Цишуан беспокоился о том, какую работу ему поручат в доме Вань, а его мать уже вынесла из дома серп и корзину и бросила их во дворе.

— Иди на задний двор камни собирать. Ещё не поздно, нечего дома бездельничать, — сказала она. Сегодняшние убытки вывели её из себя, и она не хотела видеть, как сын прохлаждается.

Лю Цишуан и не собирался сидеть без дела. Он поднял корзину и серп и вышел, но направился не на целину за домом, а к дому семьи Цзян.

Дедушка Цзян был деревенским лекарем. Великих талантов у него, может, и не было, но с головной болью и простудой он справлялся.

Лю Цишуан думал, что кашель у его деда — это последствие зимней простуды. Дедушка Цзян хорошо лечил простуду, поэтому он решил с ним договориться: пусть тот даст деду пару отваров, а он расплатится, как обычно, травами.

Семья Цзян продавала лекарства односельчанам и сама собирала травы в горах. У него не было денег, но расплатиться травами было то же самое.

Дом семьи Цзян находился в центре деревни. Чтобы добраться туда коротким путём, нужно было пересечь несколько полей и пройти мимо дома семьи Ван.

Утром он поссорился с братьями Ван и боялся, что, проходя мимо их дома, его закидают камнями.

Страх страхом, но терять время Лю Цишуан не хотел. Если идти в обход, через верхнюю часть деревни, мимо дома Вань, или через нижнюю, мимо въезда в деревню, уйдёт лишних полчаса. А ему ещё нужно было собирать камни на целине.

Приближался третий месяц, и деревня преобразилась. На полях зеленела рассада, на пшеничных полях наливались колосья. Вдоль дорог, в расщелинах камней, расцвели полевые цветы, и всё вокруг стало ярким и нарядным, совсем не таким, как два месяца назад, когда повсюду царила унылая желтизна.

— Ой, какая красивая, — проходя мимо межи между полями семей Ван и Чжан, Лю Цишуан заметил в расщелине камня прелестный розовый цветок. Он не знал его названия. Растение было крошечным, не больше ладони, но на нём распустилось несколько розово-фиолетовых цветков, которые были больше листьев. Яркий цвет радовал глаз.

Когда Лю Цишуан присел, чтобы сорвать цветок, он почувствовал резкую боль в спине. Он понял, что его опасения оправдались: братья Ван швырнули в него камень.

Не обращая на них внимания, он быстро сорвал растение с корнем и побежал прочь. Пробежав несколько десятков шагов, он услышал донёсшееся ему в спину ругательство, что-то вроде того, что он, украсив себя цветком, стал похож на урода с трубой, о безобразии которого теперь знают все.

Лю Цишуану было всё равно на их насмешки. Он сорвал цветок не для того, чтобы украсить им волосы. Он не любил цветы, что в них толку, мяса на них не нарастишь. Он любил травы и ягоды, которые можно было продать или съесть.

Но маленькие девочки любили цветы. У дедушки Цзян была любимая внучка, и он решил задобрить её этим цветком.

Деревня Ваньцзяба была расположена на равнине. Лишь за деревней начинались холмы, которые резко переходили в большую гору с бесчисленными вершинами, уходящими за горизонт.

В горах было много даров природы, и те, у кого не было земли, могли прокормиться, если были трудолюбивы.

Подойдя к дому семьи Цзян, Лю Цишуан столкнулся с несколькими женщинами, которые утром наблюдали за ним у поля. Он молча прошёл мимо, не обращая внимания на их перешёптывания, и направился прямо к дедушке Цзян.

— Всё ещё не прошло? — спросил дедушка Цзян. Он был ровесником дедушки Лю, но жили они далеко друг от друга и в молодости не дружили, лишь поддерживали добрососедские отношения. Он уже дал ему два мешочка с травами и теперь был в затруднении.

Он был деревенским лекарем, а не благодетелем. Он не хотел делиться своими знаниями. Он уже назвал этому гэру два вида трав. Если он расскажет ещё, то скоро все в деревне будут сами собирать травы и лечиться, а он останется без работы.

В аптеке были только дедушка Цзян и Лю Цишуан, но снаружи стояли две его невестки, следившие, чтобы старик снова не сглупил.

Цветы мушмулы он искал в прошлом году, так что это не проблема.

Лю Цишуан знал, что из мушмулы варят сироп от кашля, но не знал, что её цветы тоже полезны. Раз уж семья Цзян поставила условие, у него появилась цель. Поблагодарив их, он поспешил уйти.

Когда Лю Цишуан выходил из дома семьи Цзян, их маленькая дочка, Цзян Баоэр, играла в грязи у ворот. В её волосах были воткнуты два полевых цветка, которые он ей дал. Её румяное и чумазое личико в обрамлении цветов выглядело очень мило. Лю Цишуан не удержался и

ущипнул её за пухлую щёчку.

Девочка не рассердилась, а лишь рассмеялась, и её глаза превратились в щёлочки. Лю Цишуан тоже улыбнулся, решив, что она ещё милее, чем он думал.

Мушмула цвела долго, с двенадцатого месяца прошлого года до второго месяца этого. В этом году был високосный месяц, и хотя наступал уже третий, погода была как в начале второго. Так что на мушмуле у дома Вань ещё оставалось несколько цветков.

По дороге домой Лю Цишуан не сводил глаз с мушмулы у дома Вань, мысленно уже срывая с неё цветы. Но как бы он ни мечтал, на деле он покорно пошёл на целину за своим домом.

Он редко бывал в доме Вань и никогда ничего у них не просил. Всё, что он получал от них, — это угощения, которые ему на улице совала в руки тётушка Вань.

В этом году, в первом месяце, тётушка Вань дважды угощала его конфетами. Такими ароматными, сладкими и мягкими! Наверное, они стоили немало денег. Когда у него будут деньги, он тоже купит ей таких.

Проходя мимо дома Вань, Лю Цишуан пробежал так быстро, что в мгновение ока оказался далеко от их двора. На этот раз в него не кидали камней, лишь проводили насмешливыми криками.

— Ха, трус! А я-то думал, он смелый, — сказал старший из братьев Вань, Вань Чуньюй.

Он стоял у забора, доедая пирожное. Он только что переоделся и был всё ещё зол, но вид убегающего Лю Цишуана его развеселил.

Вань Цюшуан, младший брат, сидел под навесом и перебирал нитки и лоскутки. Наступила весна, расцвели цветы, и мать велела ему сшить несколько мешочков с благовониями, чтобы продать их в городе и пополнить семейный бюджет.

Увидев, что брат улыбается, и поняв, что он в хорошем настроении, Вань Цюшуан спросил:

— Брат, так какой же из третьих сыновей Вань тебе приглянулся? Если тот, что живёт за нашим домом, то зачем ты сегодня устроил этот спектакль? А если тот, что разводит голубей, то перестань принимать угощения от первого. Я слышал, что семья Вань — люди непростые. Не натвори дел, чтобы нам снова не пришлось переезжать.

— Пф, чего бояться? Я не боюсь, — Вань Чуньюй давно слышал, что Вань Дунъян — парень с крутым нравом, которого лучше не трогать. Но сегодня, когда его рассаду помяли, а его самого столкнули в воду, тот и слова не сказал. — Наверное, он просто пугает всех. Вряд ли он осмелится прийти к нам за рассадой. Так, языком почесал.

Но...

— А вот гээр из семьи Сюй меня удивил. Такой смелый! Сегодня всё внимание было приковано к нему, — вздохнул Ван Чуньюй. — Какой же он надоедливый!

Ван Цюшуан был умным и сразу понял, что произошло. Он спросил с недоумением:

— Брат, зачем ты к нему придираешься? Он некрасивый и бедный, нам не ровня.

— Дурак, — бросил ему брат и, слезши с забора, подошёл под навес. — Что ты понимаешь в красоте? Нельзя судить о человеке по одежке. У этого гэра лицо, как в песнях моей матери, — такое, что и кистью не опишешь, и не нарисуешь. Прирождённая красота, просто он ещё не расцвёл, — чем больше говорил Ван Чуньюй, тем мрачнее становилось его лицо. Но, вспомнив о нескольких парнях из деревни, которые бегали за ним, он снова улыбнулся.

В будущем у него будет ещё много возможностей проучить этого паршивца.

Пока братья Ван строили планы мести, в доме Вань тоже спорили из-за Лю Цишуана.

— Я думаю, Ван-гээр не врал. Он красивый, я ему верю, — сказала Ма Цуйлань, вторая невестка семьи Вань. Вернувшись домой, она взяла подошву для обуви и пошла к старшей невестке, чтобы обсудить сегодняшние новости.

Вань Дунъян был уже немолод, но ещё не женат и жил с родителями, старшим братом и его женой под одной крышей.

Старшая невестка, Линь Цююэ, сидела под навесом и чистила чеснок, готовясь развесить его сушиться. Она была спокойной и, услышав слова Ма Цуйлань, лишь молча кивнула. А вот мать Вань, сидевшая рядом и чинившая ему одежду, покачала головой, не соглашаясь со второй невесткой.

— Если судить по красоте, то я верю гэру из семьи Лю.

— Мама, что вы такое говорите? — Вань Дунъян, у которого на душе было беспокойно, молча точил нож у кухни, но, услышав слова матери, не выдержал и вмешался.

С матерью не согласился не только он, но и обе невестки. Увидев это, она отложила работу, поочерёдно посмотрела на каждого и, взглянув в сторону дома Лю, серьёзно сказала:

— Вы молодые и ничего не понимаете в людях. У этого ребёнка из семьи Лю очень милостивое и счастливое лицо. А его разноразмерные глаза — это не навсегда. У его матери в детстве тоже были такие, один глаз с двойным веком, другой — с одинарным. А к пятнадцати-шестнадцати

годам оба стали с двойным. Думаю, и у Лю-гэра будет так же. Год-два, и он станет красавцем.

— А мне кажется, он больше на отца похож, — так же серьёзно возразил Вань Дунъян. В его голове сейчас были два лица, и он их сравнивал.

— И характером тоже, — вдруг добавила Линь Цююэ.

— Его отец — человек жестокий, и он не уступает ему, — подхватила Ма Цуйлань. — С виду такой тихоня, а на самом деле вон какой сильный, даже на третьего брата руку поднял.

— И у глиняной куклы есть характер. Если так, то я уверена, что Ван-гээр не был столкнут Лю-гэром. Ребёнка несправедливо обвинили, вот он и разозлился, — мать Вань и раньше верила Лю-гэру, а теперь была уверена в этом ещё больше.

Видя, что спор зашёл в тупик, Ма Цуйлань, словно что-то придумав, хитро улыбнулась и сказала:

— Что там было на самом деле, мы не знаем. Но я думаю, что Ван-гээр всё-таки красивее. Может, мы ещё и породнимся.

— Какое ещё «породнимся»! Я сейчас же пойду и всё испорчу! — Вань Дунъян вдруг вскочил и, не выпуская ножа из рук, выбежал из дома.

Мать и обе невестки в недоумении переглянулись, не понимая, что за муха его снова укусила.

<http://bllate.org/book/13415/1194063>